

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тверской государственный университет»

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Межвузовский сборник научных трудов
Выпуск 9

Тверь 2009

УДК 802/809(082)
ББК Ш12
И68

Отв. редактор О.С.Шумилина

И68 Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сборник научных трудов. Вып. 9 - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 202 с.

Издание является девятым выпуском межвузовского сборника статей преподавателей и аспирантов по актуальным проблемам лингвистики, теории и методики преподавания иностранных языков.

Издание представляет интерес для широкого круга специалистов в области лингвистики и лингводидактики, аспирантов и студентов.

Отпечатано с авторских оригиналов.

УДК 802/809(082)
ББК Ш12

© Коллектив авторов
© Тверской государственный
университет, 2009

ческие аспекты. Сборн. научн. трудов. – Вып. 2. – Тверь: Твер. гос. ун-тет, 2005. – С 255-266.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.Рус. язык, 1984. – 944 с.
2. Macmillan English Dictionary for advanced learners. International student edition. – Oxford, 2004. – 1692 p.
3. Spears R.A. American Idioms Dictionary. – М. Русский язык, 1991. – 463 с.

М.В. ЩЕТНИКОВА

Удмуртский государственный университет

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЙСТВИЯ

Число и количественное мышление – одно из великих и древних достижений человечества. Человек, окруженный предметами действительности, с древнейших времен вовлеченный в процесс их счета и измерения, сравнения и сопоставления величин и мер, сформировал в языковом сознании понятие количества и количественных отношений. Понятия числа, количества и множественности причисляют к фундаментальным категориям многих наук, таких как философия, математика, логика, социология и др. Эти понятия привлекают внимание ученых разных наук на протяжении многих столетий. Эволюция числа в мышлении человека – тема интересная как для математиков, философов, так и для лингвистов [Реформатский 1987: 80].

И. А. Бодуэн де Куртенэ в одном из своих исследований отметил, что вместе с количественным математическим мышлением следует рассматривать и количественную сторону языкового мышления. Количественность пространственная и временная, количественность размера и направления отражаются в языковом мышлении [Бодуэн де Куртенэ 1963: 313].

Одна из первых попыток собственно лингвистического подхода к средствам выражения идеи количества сделана в новаторской для своего времени работе Е. В. Гулыги и Е. И. Шендельс.

Языковая категория количества не тождественна в различных языках. Одно и то же количество по-разному выражается не только в разных языковых системах, но и внутри отдельно взятой системы [Акуленко 1990: 13].

В связи с возросшим интересом к типологическим исследованиям и с введением в лингвистический обиход данных обширного круга малоизученных языков проблема описания глагольной множественности как феномена грамматики привлекла особое внимание, поскольку во многих из них представлены различные регулярные формальные средства (словоизменение, словообразование, редупликация), специализирующиеся на передаче именно этих значений в различных их разновидностях. Появился ряд работ (Dressler 1968, Greenberg 1974, Храковский 1986), в которых выделяются и классифицируются типы значений множества ситуаций, передаваемых глаголами и

глагольными конструкциями [Долинина 1989: 261].

Хотя интерес к этой теме возрос сравнительно недавно, некоторые авторы еще в середине прошлого века говорили о необходимости выделения особой категории, специализирующейся на передаче значения количества действия. В. С. Храковский отмечает, что в описательных грамматиках различных языков, в частности славянских, и особенно в аспектологических работах выделяются и описываются классы глаголов (способы действия или видовые классы), отдельные видо-временные формы, а также конструкции с аспектуальными глаголами, которые выражают различные частные значения, входящие в семантическое поле количественной аспектуальности. Так, О. Есперсен обсуждал проблему «множественного числа глагольных понятий» (наряду с числом у имени) [Есперсен 1958: 243], Ван дер Хейде указывал, что противопоставление однократного действия повторяющемуся относится к числу наиболее важных противопоставлений в рамках грамматических значений [Хейде 1962: 60].

Относительно истории формирования представлений, связанных с количественными характеристиками предметов и действий, и их отражения в языке можно высказывать только различные предположения. Более определенно можно утверждать, что в настоящее время «в системе глагола количественные представления получают самое разнообразное выражение. Значения однократности – многократности, мгновенности – длительности и им подобные во многих языках выражаются или видовыми формами глагола, или словообразовательными средствами, указывающими на способ действия» [Панфилов 1982: 232]. Думается, что именно нестандартность и разнообразие формальных средств выражения количественных характеристик действия, отсутствие категории множества, представленной четко выраженной оппозицией форм, подобной оппозиции форм ед. и мн. ч., которая во многих случаях, особенно в индоевропейских языках, свойственна имени, привели к тому, что о количественных характеристиках действий, прежде всего в их теоретическом аспекте известно меньше, чем о количественных характеристиках предметов.

Прежде всего, необходимо отметить, что количественные характеристики действий в ходе исторического развития общества начали осознаваться позже количественных характеристик предметов. Для этого есть практические основания. Реальные ситуации, в которых человек одновременно наблюдает несколько однородных предметов (*камни, деревья, лошадей, людей*), достаточно просты, тогда как ситуации, когда человек наблюдает несколько однородных действий, более сложны, поскольку фактически наблюдаются действия, выполняемые разными однородными субъектами (*лошади бегут, люди едят*). Что касается однородных действий, совершаемых одним и тем же субъектом, то они одновременно вообще не наблюдаются, при этом одни из них могут последовательно наблюдаться в один актуальный период времени (*Ты видишь, что мальчик все время оборачивается*), тогда как дру-

гие вообще происходят в разные периоды времени (*Брат, ездит в Москву раз в месяц*) [Храковский 1989: 32].

В сфере изучения количества действия фундаментальным стало исследование В. Дресслера [Dressler, 1968], после которого стало очевидным многообразие количественных значений, представленных в семантике глагола. Это обстоятельство предопределяет существование глаголов на всех основных участках функционально-семантического поля количественности. Тем не менее, до настоящего времени в литературе анализируются лишь отдельные разновидности количественности в глаголах тех или иных языков [Акуленко 1990: 24].

Первые исследования в области количественных характеристик действия проводились в рамках аспектологии – семантического поля количественной аспектуальности.

Ю. С. Маслов, как и другие аспектологи, относит к сфере количественной аспектуальности явления, связанные с понятием множества и операцией счета (количество «крат», непрерывность/прерывность), и явления, связанные с понятием величины и операцией измерения (длительность, интенсивность). Вместе с тем эти явления по своему содержанию не являются значениями одного семантического признака, они явно разнокачественны и логически неоднородны, о чем свидетельствует тот факт, что количество «крат», т. е. кратность, длительность и интенсивность могут сочетаться друг с другом и, следовательно, характеризуют одно и то же действие с разных сторон. За термином «количественная аспектуальность» не стоит какое-либо родовое обобщающее содержательное понятие; этот термин служит своего рода меткой для объединения трех независимых аспектуальных семантических признаков. Семантический признак кратности ситуаций реализуется как совокупность двух сопряженных значений: однократности и неоднократности. Можно сказать, что неоднократность ситуаций – это множественность ситуаций или глагольная множественность [Бондарко 1990:126].

Работа В. Дресслера, а так же накопленные знания фактологического и теоретического плана делают правомерной постановку вопроса о выделении отдельной семантической (а для ряда языков, по-видимому, и грамматической) категории, специализирующейся на передаче количественной стороны событий и противопоставляющие единичные события неединичным. Интерес исследователей сосредотачивается на категории глагольной множественности.

Аналогичной точки зрения придерживается И. Б. Долинина в отношении использования термина *die verbale Pluralitat*, «категорией глагольной множественности». Несмотря на определенную условность этого наименования (в рамках категории квантифицируются не глагольные действия как таковые, а репрезентируемые глаголами ситуации [Храковский 1986], оно представляется весьма оправданным и удобным, в связи с тем, что вписывается в существующую терминологическую парадигму: согласуется с уже широко при-

нятым термином «категории множества» [Холодович 1979] и эксплицирует аналогию с категорией множества у имени, указывая на ту часть речи, которая является центральным средством выражения квалифицируемых в ее рамках объектов (действий, событий, ситуаций) [Долинина 1989: 260].

Важная особенность подхода В. Дресслера состоит в том, что он пытается соотносить частные значения глагольной и именной множественности, но при этом подчеркивает и их различия, которые вытекают из того, что глагол связан с категорией времени, а имя – с категориями субстанции и пространства [Храковский 1989: 10].

Количественные характеристики реального действия отражаются в семантике языковых единиц на различных уровнях языковой системы: на уровне морфологии и словообразования, лексики и фразеологии, словосочетания, предложения и контекста. Действие и его количественные характеристики в первую очередь составляют понятийную основу глагольных наименований. Впрочем, те же явления могут быть представлены в семантике отглагольных существительных, неличных форм глагола, фразеологических единиц. Кроме того, актуализация понятия количественности действия и его актантов происходит в речи благодаря взаимодействию семантики глагола и его спецификаторов.

Грамматическая категория числа отражает противопоставление понятий о единичности и множественности и не может быть исключена из сферы количественной семантики. Однако количественная семантика глагольных наименований выходит далеко за пределы категории числа, даже при воплощении представлений о единичности и множественности действий и их актантов [Акуленко 1990: 15].

По мнению В.Я. Плоткина, числовое значение глагола перестало быть чисто согласовательной категорией и самостоятельно отражает такую существенную характеристику действия, как количество деятелей (Плоткин 1975: 91). В русском языке ориентированность на множественность субъектов (или объектов) выражается морфологически, обычно глагольными префиксами и семантикой глаголов. Так, *разлетаться*, *расходиться*, *слетаться*, *собираться*, *повскакать* имплицитно выражают множественность субъектов, а *переловить*, *собрать*, *связать*, *перепробовать* имплицитно выражают множество объектов (Кобрина 1993). В английском языке эти различия выражаются также в морфологической форме – во флексии глагола, но флексия является уже следствием осмысления значения глагола, которое представляет возможность дискретного осмысления субъекта, выраженного собирательным существительным. В случае множественности субъектов (хотя и в совокупном их обозначении), действие ориентировано на индивидуальное проявление и имплицитно выражает множественность субъектов действия. Это могут быть физиологические процессы: *to eat*, *to sneeze*, *to cough*, *to touch*, *to graze* (о животных, щиплющих траву); эмотивное, психическое состояние (*to enjoy*, *to rejoice*, *to be eager*, *to be tired*), индивидуальное расположение в

пространстве и другого рода деятельность, несовместимая с понятием обобщения субъектов в единое неделимое целое [Кобрин 2007: 231].

Глагольная множественность выражается в языке в различных формах и конструкциях. Существует несколько классификаций ситуаций глагольной множественности. Можно выделить самую первую и подробную классификацию В. Дресслера, классификацию В.С. Храковского и Т.А.Акимова. Все они выделяют четыре основных типа глагольной множественности, это: мультипликатив, дистрибутив, итератив, счет ситуаций. При этом мультипликатив можно разделить так же на семельфактив и мультипликатив, выражаемый немultiпликативными глаголами. В рамках итератива можно выделить повторение ситуации в заданных временных рамках и итерацию мультипликатива и дистрибутива.

Кроме того, в английском языке множество ситуаций выражается с помощью различных грамматических, словообразовательных и лексических средств, которые в высказывании могут комбинироваться друг с другом. В английском языке четыре видо-временных разряда (основной, прогрессивный, перфектный, перфектно-прогрессивный), в каждый из которых входят формы трех времен (настоящего, прошедшего и будущего). В высказывании с формой настоящего времени основного разряда квантифицируемых глаголов обычно выражается множество ситуаций: (1) *He smokes* – Он курит (вообще), с формой прогрессива – единичная ситуация: (2) *He is smoking (now)* – Он (сейчас) курит. Все остальные формы любого разряда могут обозначать либо единичную ситуацию, либо множество ситуаций.

В английском языке есть две аналитические конструкции (*used to + infinitive* и *would + infinitive*), обозначающие множество ситуаций. Эти же значения имеют обстоятельства времени и временные союзы (*each time* – каждый раз, когда, *whenever* – когда бы ни). Выделяются, кроме того, грамматические мультипликативы с суффиксами *-er* (*chatter* – болтать) и *-le* (*sparkle* – сверкать) и лексические мультипликативы (*shake* – трясти(сь)).

В выражении множества ситуаций участвуют и обстоятельства цикличности (*daily* – ежедневно), интервала (*often* – часто), узитативности (*usually* – обычно), как в английском, так и в других языках [Акимов 1989: 161].

Отмечается также, что значение, множественности может выражаться и синтаксическими средствами за пределами простого предложения. Имеются в виду полипредикативные кратно-соотносительные конструкции, которые реализуются прежде всего в сложноподчиненных (временных, условных, уступительных) предложениях, а также в сложных предложениях с парными союзами:

Когда где-нибудь лаяла собака, Джек вскакивал, сдергивал с Петьки одеяло и рычал (В. Конецкий).

Кратно-соотносительные конструкции реализуются также в предложениях, осложненных деепричастными оборотами:

Глядя на восход или закат солнца, он вспоминал раскаленные докрасна железные балки того дома, в котором они с ма-

терью раньше жили в Ленинграде (В. Конецкий).

Элемент контекста за пределами предложения так же обеспечивает однократное или неоднократное прочтение глагольной формы, при этом можно судить по предложению: *Мальчики ловят рыбу*, которое в одном контексте имеет актуально-длительное, т. е. однократное прочтение: *Смотрите внимательно! Мальчики ловят рыбу*, а в другом – неоднократное: *Что делают дети в лагере по вечерам! Мальчики ловят рыбу, а девочки шьют* [Храковский 1989: 22].

Итак, суммируя вышеизложенное, можно отметить, что в выражении значения множественности ситуаций участвуют все теоретически допустимые средства (лексические, грамматические, контекстуальные) функционально-семантического поля множественности, употребляющиеся в совокупности, но не образующие целостной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов Т.А. Типы многократного действия в английском языке // Типология итеративных конструкций: Сб. статей / Отв.ред. В. С. Храковский. - Ленинград: Наука, 1989. - С. 161-258.
2. Акуленко В.В., Швачко, С.А., Букреева, Е.И. и др. Категория количества в современных европейских языках. - Киев: Наукова думка, 1990. - 284с.
3. Бодуэн де Куртене И.А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию: Сб. работ / Отв.ред. С.Г. Бархударов. - М.: Изд-во академии наук СССР, 1963. - С. 311-324.
4. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. - Л.: Наука, 1990. - 263 с.
5. Долинина И.Б. Теоретические аспекты глагольной множественности // Типология итеративных конструкций: Сб. статей / Отв.ред. В. С. Храковский. - Ленинград: Наука, 1989. - С. 258-269.
6. Кобрин Н.А., Болдырев, Н.Н., Худяков, А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка. - М., 2007. - 368с.
7. Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. - М., 1987. - 324с.
8. Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций: Сб. статей / Отв.ред. В. С. Храковский. - Ленинград: Наука, 1989. - С. 5-53.